

А. Ю. Тарасов¹, А. Крийска²

РУБЯЩИЕ ОРУДИЯ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ: К ВОПРОСУ ОБ ОБМЕНЕ В ФИНАЛЬНОМ КАМЕННОМ ВЕКЕ

Tarasov A. Y., Kriyska A. Chopping tools of Russian-Karelian type from the territory of Latvia: Upon a question of exchange in the final Stone Age

В центре внимания статьи находится вопрос об обмене между населением удаленных друг от друга регионов в каменном веке. Каменные рубящие орудия русско-карельского типа выбраны в качестве объекта рассмотрения именно в связи с тем значением, которое они приобрели в контактах такого рода. В статье подробно рассматриваются характеристики изделий этого типа, найденных на территории Латвии — в регионе, где производился другой важный продукт, активно использовавшийся в обменных операциях в финальном каменном веке — янтарные украшения. Особенности выборки каменных рубящих орудий, произведенных в очень удаленном производственном центре — на побережье Онежского озера — и обнаруженных в латвийском археологическом контексте, позволяют сделать некоторые важные заключения об организации такого обмена.

Рубящие орудия русско-карельского типа обратили на себя внимание исследователей на рубеже XIX–XX вв. Крупные, отличающиеся строгой гео-

метрической формой и очень качественной обработкой инструменты этого типа составили значительную часть коллекций каменных орудий, собранных на территории современной Карелии финскими коллекционерами — членами финского Общества любителей древностей. Наиболее активным из них был школьный учитель Л.В. Пяакконен (Äygrää, 1944, s. 55–55; Nordquist, Seitsonen, 2008, p. 30–32). Основным признаком этого типа было признано трапециевидное или треугольное поперечное сечение. Название «русско-карельский тип», впервые предложенное Ю. Айлио в 1909 г. (Ailio, 1909, s. 26), появилось наряду с двумя другими вариантами — «восточно-карельский» или «олонецкий тип» (Heikkurinen, 1980, s. 1–2). Все три варианта означали, что такие предметы характерны для «Русской», «Восточной» или «Олонецкой» Карелии, как тогда называли этот регион в Финляндии. Вариант «русско-карельский тип» вслед за работами А.Я. Брюсова (Брюсов, 1940; 1947; 1952) закрепился в российской археологической традиции, в то время как в Финляндии вслед за А. Эйрпя такие предметы стали называть «восточно-карельскими» (Heikkurinen, 1980, s. 2 и литература, на которую даны ссылки; Edgren, 1984, s. 42).

¹ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия.

² Тартуский университет, Институт истории и археологии, Эстония.

Проблема русско-карельского типа изначально оказалась тесно связана с вопросом о так называемом «онежском зеленом сланце», а также с вопросом о связях и обмене в среде древнего населения, поскольку изделия из такого «зеленого сланца» встречены далеко за пределами Карелии. Еще Л.В. Пяконен обратил внимание на особое значение района в устье реки Шуи вблизи г. Петрозаводска, из которого происходило очень значительное количество находок крупных сланцевых орудий. Во второй половине XIX в. под руководством Ю. Айлио начался анализ находок из Карелии, собранных в Национальном музее Финляндии. Тогда же геологом Э. Мякиненом был произведен петрографический анализ каменных изделий, который показал, что большая часть предметов была изготовлена из туфа, который происходит из района северо-западного побережья Онежского озера, к северу от устья р. Шуи (Äygärää, 1944, s. 57–59). В археологической литературе данную породу начали называть аунуским (олонецким) или онежским зеленым сланцем, потому что она часто бывает пластинчатой или сланцевидной (Äygärää, 1944, s. 58).

В 1943 г., во время финской оккупации, этот район обследовал А. Эйряпя. Исследователь пришел к выводу о существовании здесь крупного центра по изготовлению орудий из местного «зеленого сланца», представленного в виде крупных галек и валунов. Производившиеся здесь вещи, по его мнению, предназначались для торговли (Äygärää, 1944, s. 60). Эта идея, высказанная в рукописной статье (Äygärää, 1944), стала общепринятой в финской археологии и была использована в книге Дж.Г.Д. Кларка «Доисторическая Европа» (Кларк, 1953, с. 246–247). Советский археолог А.Я. Брюсов отмечал, что изделия русско-карельского типа встречены далеко за пределами Карелии, вплоть до Урала (Брюсов, 1947, с. 16). Тем не менее в примечании к русскому изданию книги Кларка он высказал несогласие с мнением о существовании крупного производственного центра в устье р. Шуи (Кларк, 1952, с. 246). Несмотря на это, версия, изложенная Кларком, позже была повторена Н.Н. Гуриной (Гурина, 1974, с. 15). Таким образом, она вошла и в российскую археологическую традицию, хотя и не стала здесь общепринятой.

Уточнение хронологической позиции и культурной принадлежности русско-карельского типа шло вслед за расширением источниковой базы. А.Я. Брюсов считал тип местным по происхождению и одним из основных, определяющих своеобразие выделенной им «карельской культуры» (Брюсов, 1952, с. 103–104). После того как стало ясно, что единой карельской культуры каменного века не существует, В.Ф. Филатова предложила связать возникновение русско-карельского типа с пришлой культурой ямочно-гребенчатой керамики. Исследовательница представила сводку об известных к тому времени находках изделий данного типа в Карелии и за ее пределами и предложила считать его чужеродным для карельской территории, так же как и саму культуру ямочно-гребенчатой керамики (Филатова, 1971, с. 37–38). Подобной точки зрения придерживался и Г.А. Панкрушев, но отмечал, что за пределами Карелии находки изделий этого типа единичны (Панкрушев, 1978, с. 6). В течение 1980–1990-х годов А.М. Жульниковым (Жульников, 1999) была исследована серия чистых комплексов периода энеолита с керамикой с примесью органики и асбеста. Оказалось, что орудия русско-карельского типа почти в обязательном порядке входят в состав инвентаря этих памятников и составляют абсолютное большинство среди рубящих орудий из таких комплексов. При этом на памятниках с чистыми комплексами других культур Карелии такие изделия отсутствуют (Тарасов, 2008). Таким образом, в настоящее время можно утверждать, что русско-карельский тип орудий существовал в эпоху энеолита с асбестовой керамикой, которая по имеющимся радиоуглеродным датам датируется в диапазоне от 4410 ± 50 л.н.³ (ТА-1748, поселение Войнаволок XXVII) до 3150 ± 100 л.н. (ТА-1007, поселение Палайгуба II), всего 23 даты (Жульников, 1999, с. 75–79).

В 1990-е годы начались систематические работы в устье р. Шуи. Были вновь локализованы стоянки-мастерские и проведены новые сборы. В 2000 г. А.М. Жульников провел первые раскопки мастерской Фофаново XIV. Новые материалы позволили установить, что на памятниках этого района, кото-

³ Некалиброванный C¹⁴ возраст.

рые могут считаться стоянками-мастерскими, изготавливались преимущественно орудия русско-карельского типа. Результаты анализа всего технологического контекста, полученного в результате новых исследований, включая материалы с мастерских и постоянных поселений периода энеолита, представлены в ряде работ одного из авторов этой статьи (Тарасов, 2002; 2003; 2004; 2006; 2008).

В настоящее время не только в Карелии, но и в других регионах имеется возможность установить датировку находок изделий русско-карельского типа и их связь с теми или иными комплексами. После раскопок значительного количества поселений во второй половине XX в. в нашем распоряжении оказался важный археологический контекст, существенно дополняющий случайные находки. Сейчас возможно подготовить достаточно адекватную статистику относительно общего количества и качественных особенностей таких изделий в Карелии и за ее пределами, оценить особенности их использования и механизмы обмена, способствовавшие их распространению на значительной территории. В связи с этим назрела необходимость подготовки максимально полного каталога находок орудий русско-карельского типа. Работу над составлением такого каталога мы начали с изучения археологических коллекций из Прибалтийского региона.

Территория Прибалтики в данном контексте интересна в связи с тем, что здесь также производились изделия, которые распространились на очень обширной территории — янтарные украшения (Ванкина, 1970; Гурина, 1974; Вуоринен, 1984; Лозе, 1985; Zhulnikov, 2008). Рубящие орудия из туфа и янтарные украшения теоретически могли быть ценностями одного порядка, востребованными в процессах обмена, происходивших в лесной зоне Восточной Европы.

Присутствие в коллекциях находок с территории Эстонии каменных орудий, предположительно импортированных из Карелии, было отмечено еще в первой половине прошлого века, когда финскими исследователями было произведено картографирование изделий из «олонецкого зеленого сланца» (Tallgren, 1922, Lk. 58; Äyräpää, 1944, s. 59). Часть найденных в Эстонии рубящих орудий из сланца,

как и в Финляндии, считалась происходящей из Карелии (напр., Moora, 1936, Lk. 46; Янитс, 1959, с. 216; Kriiska, Tvauri, 2002, Lk. 64).

До настоящего времени мало внимания обращали на рубящие орудия русско-карельского типа, найденные на территории Латвии. Но все же они были описаны в анализах археологического материала, например, со стоянки Сарнате, особо подчеркивалось трапециевидное поперечное сечение и его схожесть с рубящими орудиями русско-карельского типа Финляндии и Карелии (Ванкина, 1970, с. 98). При этом на стоянке Лубанские низины с самым многочисленным археологическим материалом позднего неолита в округе рубящие орудия русско-карельского типа отдельно не выделены (Лозе, 1979), но упомянут тот факт, что долота и тесла были изготовлены из сланца, который, вероятно, происходит с территорий Финляндии или Карелии, а также подчеркивалась особая роль сланца в межплеменном обмене позднего неолита (Лозе, 1979, с. 66).

В 2009 г. нами был произведен поиск орудий русско-карельского типа среди коллекций каменных изделий, найденных на территории Эстонии. Были просмотрены материалы основных музеев и научных центров. В итоге в базу данных были включены описания 40 предметов. Возможно, какие-то предметы, хранящиеся в маленьких местных или школьных музеях, остались вне нашего поля зрения, однако собранная выборка вполне достаточна для обобщающих выводов. В выборку входят несомненные изделия русско-карельского типа, целые и фрагменты (23 экз.), мелкие фрагменты и сколы со шлифованных орудий, с большой вероятностью отделенные от орудий русско-карельского типа, орудия других типов, с большой вероятностью также связанные с индустрией позднего неолитического — энеолитического времени в Карелии, и вещи, морфологически соответствующие данному типу, но отличающиеся по сырью и технологии, которые предположительно могли являться местными подделками импортированных образцов.

Все эти вещи относятся только к контексту использования таких орудий. Производственный контекст в эстонских материалах отсутствует

полностью. Таким образом, уже по итогам археологического изучения можно было утверждать, что на территории современной Эстонии такие вещи не производились. Этот вывод был полностью подтвержден результатами петрографического анализа. На данный момент определен материал 22 предметов. В абсолютном большинстве случаев это метатугф, как правило, серо-зеленого цвета, не встречающийся на территории Эстонии даже в виде обломочного материала, принесенного с территории Балтийского щита четвертичными ледниками. Ближайшие выходы такого материала имеются только на западном побережье Онежского озера (Тарасов, Крийска, Кирс, в печати). Следовательно, данные орудия были изготовлены в мастерских на западном побережье Онежского озера и оказались на территории Эстонии в древности в результате обмена.

В Эстонии предметы такого типа найдены везде, где имело место интенсивное хозяйственное освоение или есть памятники, исследованные на широкой площади (рис. 1). Большинство целых предметов являются случайными находками. На поселениях, где обнаружены такие вещи, представлены смешанные разновременные комплексы, среди которых имеются материалы, связанные с поздней гребенчато-ямочной керамикой, частично синхронной асбестовой керамике в Карелии.

В 2010 г. эта работа была продолжена на территории Латвии, где были просмотрены коллекции Национального музея истории Латвии, Исторического музея города Екабпилса, Латгальского музея истории культуры, Гулбенского музея истории и искусства, Мадонского краеведческого и художественного музея. В итоге в базу данных были внесены описания 17 предметов (табл. 1) из Национального музея истории Латвии. Они могут быть разделены на несколько групп.

I. Орудия русско-карельского типа (9 экз.). Группа включает предметы, степень сохранности которых позволяет определить все диагностические типологические и технологические признаки, и эти признаки позволяют трактовать их как изделия русско-карельского типа.

1. *Целые орудия*, т.е. предметы, у которых сохранились лезвийная, средняя и обушная части

(3 экз.). Два из них являются случайными находками — топор из Клаукани (рис. 1, рис. 2, 8, табл. 1) и тесло из Дебеле (рис. 1, рис. 2, 3, табл. 1). Еще один топор происходит из поселения Сарнате (рис. 1, рис. 2, 2, табл. 1). Все эти предметы имеют небольшие отклонения от классического варианта русско-карельского типа, но эти их индивидуальные особенности остаются в пределах допустимых вариаций. Топор из Клаукани имеет очень выпуклое брюшко, что нередко отмечается у топоров данного типа. Тесло из Дебеле отличается низкими пропорциями (отношение ширины к толщине равняется 2,5, в то время как для большинства изделий русско-карельского типа значение этого показателя равняется или близко к 1,5). Вероятнее всего, это связано с тем, что исходной заготовкой для этого изделия послужил широкий крупный отщеп. Все остальные признаки совпадают. Топор из Сарнате имеет асимметрично-трапециевидное сечение. Одна его боковая грань является ровной и плоской, вторая — округлой в сечении, в результате чего форма сечения всего орудия — полутрапеция-полуовал. Эта особенность, несомненно, связывается с неудачей в оформлении плоской поверхности на одной из боковых граней еще в процессе расщепления. При шлифовке эта грань была равномерно закруглена.

У всех трех изделий отмечаются следы работы, заметные невооруженным глазом — мелкие сколы и царапины в лезвийной части. На обухе видна заполировка, западающая в негативы отдельных сколов, которые не были полностью уничтожены шлифовкой, и повторяющая все неровности микро-рельефа этих негативов. Ее возникновение, вероятнее всего, связано с трением о рукоять. Для обеих случайных находок характерна сильная жирная залощенность по всей поверхности, а также серии коротких и глубоких поперечных царапин. Данные следы следует связывать с позднейшим использованием этих предметов крестьянским населением в магических практиках.

2. *Орудия с отломанной обушной частью, использование которых в качестве инструментов после разлома было продолжено*. Имеется всего один такой предмет — тесло с выпуклым брюшком, происходящее из поселения Абора I (коллекция

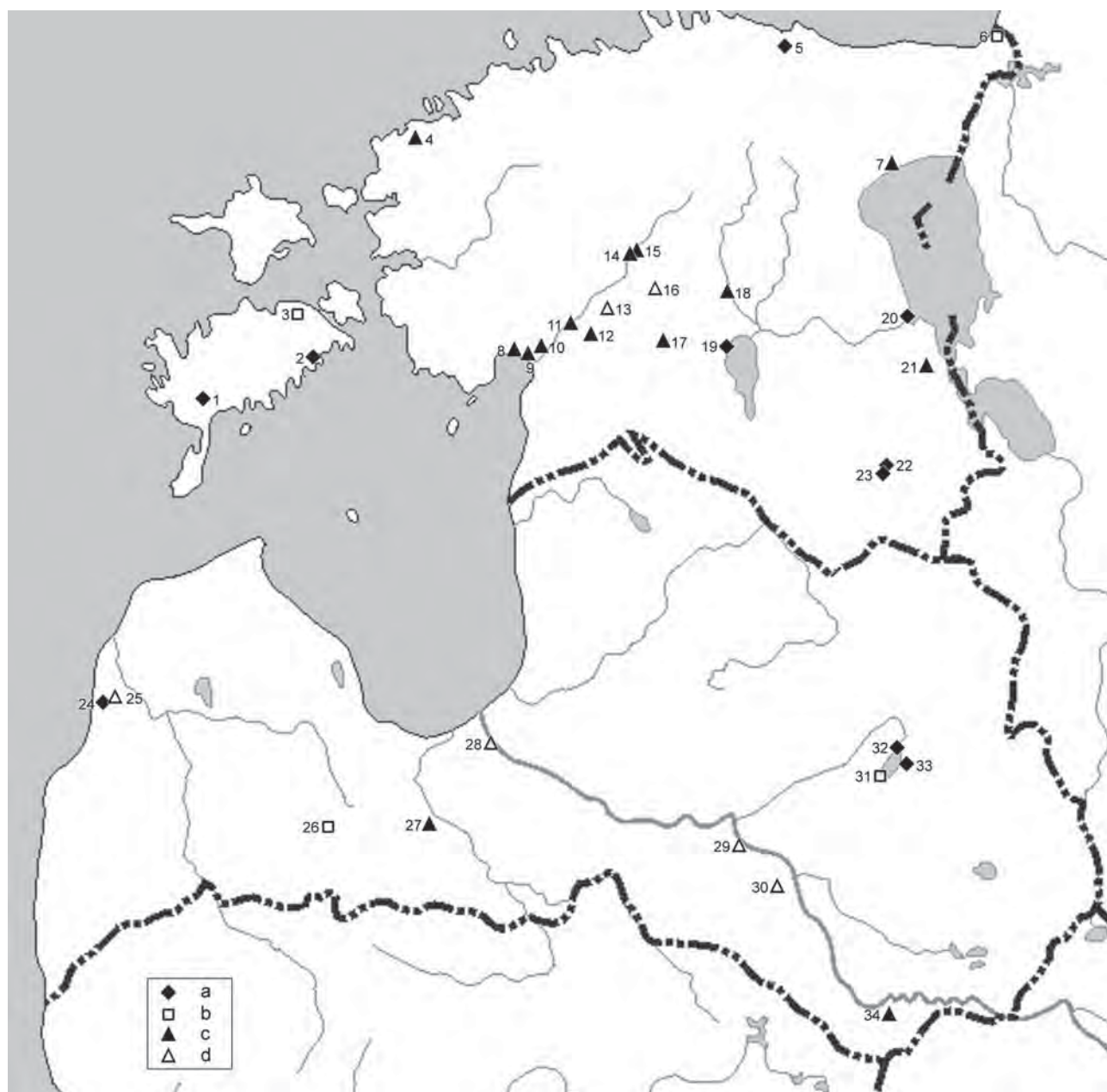

Рис. 1. При изучении рубящих орудий русско-карельского типа учтенные места находок в Эстонии и Латвии: а — стоянка, откуда найдено рубящее орудие русско-карельского типа или его обломок, б — стоянка, откуда найдено орудие или его обломок, которые, вероятно, относятся к русско-карельскому типу, но доказать это невозможно, в — случайная находка рубящего орудия русско-карельского типа, г — случайная находка, которая, вероятно, относится к русско-карельскому типу, но доказать это невозможно; 1 — Накамья (Naakamäe), 2 — Асва (Asva), 3 — Кунингусте (Kuninguste), 4 — Алликлэпа (Alliklepa), 5 — Кунда Ламмасмяги (Kunda Lammasmägi), 6 — Кудрукюла (Kudruküla), 7 — Уускюла (Uusküla), 8,9,10 — Нижнее течение реки Пярену, 11 — Мурака (Muraka), 12 — Рииса (Riisa), 13 — Аэсоо (Aesoo), 14, 15 — Йяндя (Jändja), 16 — Йялэврэ (Jälevere), 17 — Мустивэрэ (Mustivere), 18 — Умбуси (Umbusi), 19 — Валма (Valma), 20 — Акали (Akali), 21 — Араву (Aravu), 22 — Вилла (Villa), 23 — Тамула I (Tamura I), 24, 25 — Сарнатэ (Särnate), 26 — Лэясцискас (Lejasciskas), 27 — Дэбэлэ (Debele), 28 — Катлакальнс (Katlakalns), 29 — Абели (Ābeļi), 30 — Дигна (Dignā), 31 — Сулка (Sulka), 32 — Абора I (Abora I), 33 — Звидзэ (Zvidze), 34 — Клаукани (Klaucani)

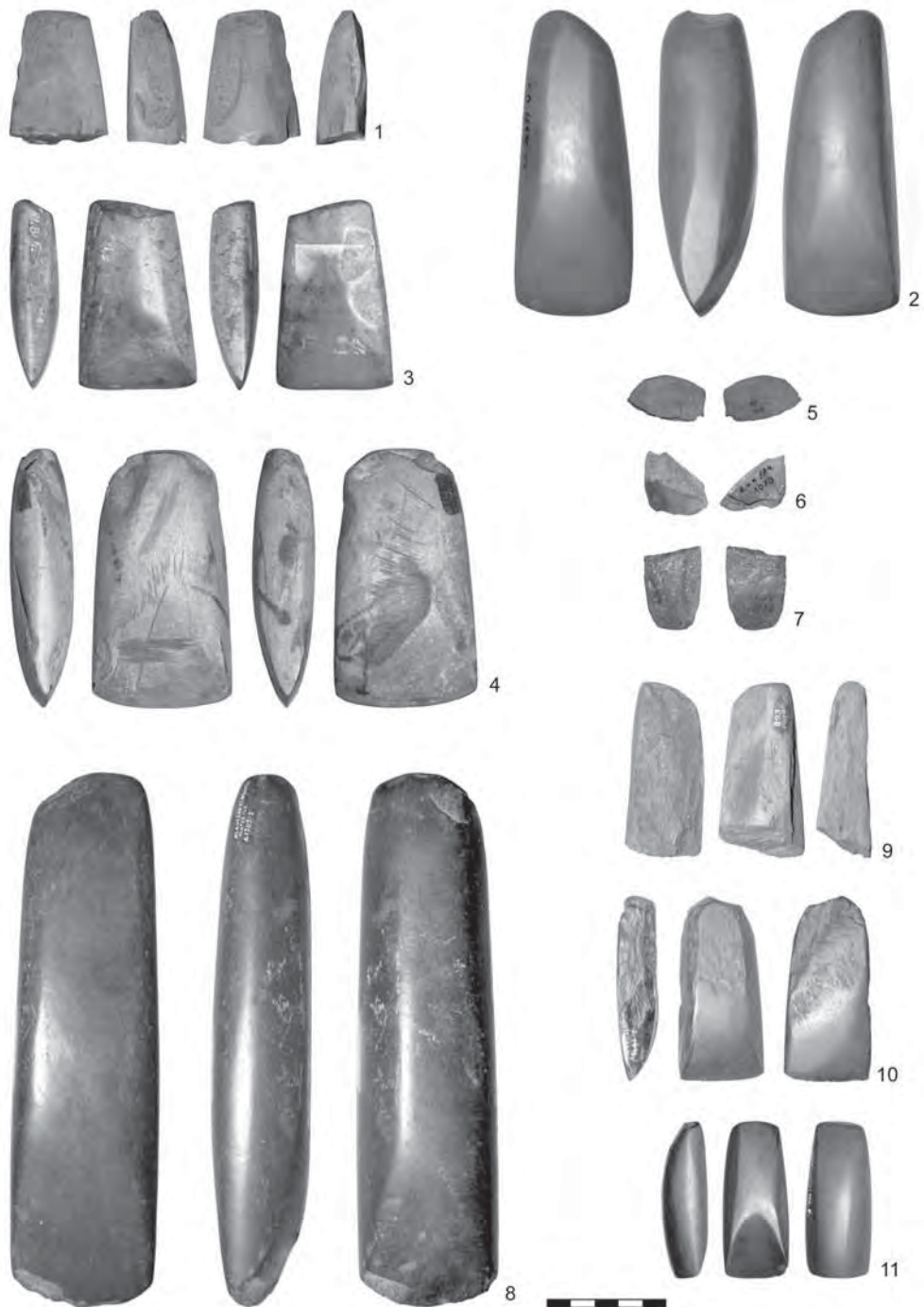

Рис. 2. Рубящие орудия русско-карельского типа и орудия, морфологически соответствующие русско-карельскому типу или предположительно связанные с индустрией макроорудий Карелии, с территории Латвии: 1 — Сарнагэ А 11417:105, 2 — Сарнагэ А 11420:47; 3 — Дэбэлэ R4B:5, 4 — Сарнагэ V 9693, 5 — Апора I 780 Ab/6, 6 — Звидзэ Z.v.k./74 1079, 7 — Звидзэ Z.v.k./75 1732, 8 — Клаукани А 12115:1, 9 — Абора I (893 Ab/85), 10 — Абели А 10447:20, 11 — Катлакальнс А 11194:1

Тартуского университета, АК-668). При работе такое орудие должно было использоваться брюшком вверх, в противном случае оно бы постоянно застревало в обрабатываемом предмете. После разлома обушная часть изделия была подправлена с помощью нескольких сколов. На подправленном таким образом обухе заметна сильная залоченность, вероятно, возникшая от трения о рукоять. Заметны следы работы на лезвии — кромка сточенная, на ней различимы негативы мелких сколов.

3. *Мелкие обломки орудий, не имеющие следов вторичного (после разлома) использования в древности.* Выделены пять предметов: два фрагмента лезвий желобчатых тесел, одно из поселения Сарнате (А 11580:112) и одно из поселения Звидзе (рис. 1, рис. 2, 6, табл. 1), и три фрагмента обушной части, два из поселения Сарнате (рис. 1, рис. 2, 1, табл. 1) и одно из поселения Абора I (рис. 1, рис. 2, 9, табл. 1). На лезвии желобчатого тесла из Сарнате заметна сточенность кромки и есть негативы мелких сколов с лезвия, кромка желобчатого тесла из Звидзе уничтожена серией небольших сколов, вероятно, в процессе работы. На двух фрагментах обухов из Сарнате заметна заполировка, западающая в негативы сколов.

Все изделия русско-карельского типа зашлифованы на 4/5 площади и заполированы. Наличие полировки отмечается и на всех фрагментах из данной группы. Для всех предметов, кроме фрагмента обуха из Абора I, отмечается использование приема многогранной шлифовки, при которой на поверхности изделия формируется множество длинных узких граней, параллельных продольной оси. Этот прием очень характерен для орудий русско-карельского типа с территории Карелии.

II. Орудия других типов, вероятно, также происходящие с территории Карелии. Учтены два предмета, являющиеся случайными находками: овальное в сечении желобчатое тесло из Катлакальнс (рис. 1, рис. 2, 11, табл. 1) и тесло со смещенным линзовидным сечением (одна грань более выпуклая, чем другая), случайная находка из района Сарнате (рис. 1, рис. 2, 4, табл. 1). Технологически, скорее всего, оба предмета являются двусторонне обработанными (бифасами), но у одного грани в разной степени выпуклые (смещенный бифас).

Оба предмета зашлифованы на 4/5 площади и заполированы, у них отмечается многогранная шлифовка, то есть по особенностям абразивной обработки они вполне соответствуют изделиям русско-карельского типа. Их материал также выглядит идентичным, хотя окончательно это можно будет утверждать только после петрографического изучения. Подобные вещи тоже характерны для индустрии макроорудий Карелии, где они могут быть встречены как в комплексах периода энеолита с асбестовой керамикой, так и на более ранних поселениях с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой, в которых изделия русско-карельского типа еще не представлены. У обоих предметов заметны следы использования на лезвии и обухе. На поверхности тесла прослеживаются продольные и поперечные царапины — расчесы, нанесенные, скорее всего, уже в позднейшее время.

Изделий, не относящихся к русско-карельскому типу, но происходящих с территории Карелии, может быть несколько больше, однако их сложнее выделить только на основании типологического критерия. Основным критерием в данном случае может быть материал, для определения которого требуется участие специалиста-петрографа. Среди таких вещей могут быть и небольшие стамески, долотца, круммейсели, изготовленные уже на месте из фрагментов и сколов с орудий, импортированных из Карелии.

III. Орудия, соответствующие русско-карельскому типу по основным морфологическим признакам, однако отличающиеся по сырью и (или) технологии. Имеются два предмета такого рода — тесло с асимметричным трапециевидным сечением, являющееся случайной находкой из Абели (рис. 1, рис. 2, 10, табл. 1), и маленькое желобчатое тесло без вышлифованного желоба из поселения Звидзе (рис. 1, рис. 2, 7, табл. 1).

Тесло из Абели имеет небольшие размеры (длина 66 мм), изготовлено из отщепы с помощью поперечных сколов с одной боковой грани и шлифовки. Несмотря на морфологическое сходство с русско-карельским типом, технология является гораздо более простой, чем та, которая характерна для данного типа (Тарасов, 2003). Не совпадают также пропорции (отношение ширины к толщине

2,2) и особенности абразивной обработки — изделие зашлифовано только на половине площади, многогранной шлифовки нет. Полировка отмечается, однако поверхность изделия имеет следы очень интенсивного позднейшего использования, из-за которого поверхность сильно изменилась, явно поменялся цвет (стал черным), поэтому пока нельзя быть уверенным, что полировка была сделана уже в древности.

Лезвие орудия из Звидзе образовано скосом с брюшка на спинку, как у желобчатых тесел, однако продольный желоб сделан не был. Обушная часть отломана. Сохранившийся фрагмент имеет очень небольшие размеры (35×24×13 мм). Форма соответствует русско-карельскому типу, однако, насколько можно судить, эта форма была сделана только с помощью шлифовки. При этом полировки нет, многогранная шлифовка не отмечается. Материал, из которого изготовлен данный предмет, кристаллический, черного цвета, совершенно нехарактерный для орудий русско-карельского типа.

Предположительно данные предметы могут быть связаны с попытками местного населения воспроизвести импортированные образцы. Однако такое предположение вряд ли может быть окончательно доказано.

IV. Мелкие фрагменты лезвий и сколы со шлифованных орудий. Имеется один фрагмент лезвия желобчатого тесла из поселения Лэясцискас (A7853:73 H6) и три скола со шлифованных орудий из поселений Сулька (S/65409), Абора I (780 Ab/64) и Звидзе (Zv/74 1308). Во всех случаях нет полной уверенности, что эти предметы были отделены от орудий русско-карельского типа. В то же время внешнее совпадение материала, наличие полировки и многогранной шлифовки (отмеченной в одном случае) делает такое предположение достаточно вероятным.

Описанные здесь группы находок полностью соответствуют тем, которые были выделены среди материалов с территории Эстонии. Так же, как и в Эстонии, представлен только контекст использования орудий и полностью отсутствует технологический контекст, связанный с их изготовлением. Имеющихся материалов слишком мало, чтобы исчерпывающе сравнить качественные показатели

выборки с территории Латвии с выборками из Эстонии и Карелии. Можно отметить только, что по качеству материала (все изделия из Латвии сделаны из твердой породы, с твердостью выше 6 по шкале Мооса) и по качеству абразивной обработки эти выборки в целом совпадают. Наиболее длинное изделие, обнаруженное в Латвии (топор — случайная находка), имеет почти равную длину с наиболее длинным изделием с территории Эстонии (желобчатым теслом со стоянки Валма), соответственно 230 и 223 мм, однако остальные целые изделия не очень крупные, менее 150 мм в длину.

Памятники каменного века в различных регионах Латвии изучены очень неравномерно. Однако можно говорить, что орудия русско-карельского типа входят в комплексы достаточно хорошо исследованных поселений, содержащих материалы финального каменного века, так же как в Эстонии (рис. 1). Случайные находки в то же время происходят не из всех районов, где их можно было бы ожидать в связи с активным сельскохозяйственным освоением территории в XIX — начале XX в. На поселениях, где обнаружены предметы русско-карельского или предположительно русско-карельского типа, имеются комплексы с поздней гребенчато-ямочной керамикой, частично синхронной асбестовой керамике в Карелии (Ванкина, 1970; Лозе, 1979).

На поселении Сарнате помимо жилищ с поздней гребенчатой керамикой имеются также жилища с керамикой сарнатского типа, поздний вариант которого также относится в основном к рассматриваемому периоду (Bērziņš, 2008, p. 105). Три предмета русско-карельского типа из четырех, происходящих с этого поселения, связаны с комплексами сарнатского типа: целый топор, найденный вблизи жилища «О», фрагмент обуха из жилища «Т», фрагмент лезвия желобчатого тесла из жилища «V» (Ванкина, 1970, с. 50–52, 56–63, табл. XXVI). Одно из этих жилищ — жилище «Т» — является уникальным, поскольку это единственная двухкамерная постройка на поселении. Четвертый предмет — обломок обуха — происходит из жилища № 2 с гребенчато-ямочной керамикой. В этом жилище было найдено наибольшее количество янтарных изделий, в том числе отходов производства, в свя-

зи с чем жилище было интерпретировано как мастерская по обработке янтаря (Ванкина, 1970, с. 75–78, табл. XXVI).

Имеется ряд радиоуглеродных дат, полученных из образцов с поселений, на которых найдены изделия русско-карельского типа. Со стоянки Абора I из деревянной верши получена дата 3770 ± 60 л.н. (ТА-394) (Лозе, 1979, с. 21). По стоянке Сарнате имеются семь радиоуглеродных дат, которые располагаются в интервале от 5480 ± 40 (Уа-33828) до

4490 ± 250 (Та-24) л.н. (Bērziņš, 2008, p. 105). Жилище «Т», где был обнаружен фрагмент орудия русско-карельского типа, датируется 4700 ± 250 л.н. (ТА-26) (Ванкина, 1970, с. 129). Это дата отклоняется от ожидаемого диапазона, однако она не может считаться абсолютно надежной. Образец сборный: он был составлен из костей лося и оленя, найденных в жилище. После калибровки дата выглядит следующим образом: 3400 ± 700 cal BC. Таким образом, она имеет очень большую погрешность.

ВЫВОДЫ

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что орудия русско-карельского типа с территории современной Латвии синхронны таким орудиям с территории Эстонии. Так же, как и изделия из эстонской серии, они не были произведены на месте и попали в регион в результате обмена. Выборка из Латвии по своим качественным особенностям совпадает с выборкой из Эстонии, но при этом в ней гораздо меньше предметов. Если все находки русско-карельского типа с территории Эстонии составили 7 % от количества таких находок на поселениях с чистыми комплексами с асбестовой керамикой в Карелии (вместе с заготовками, но без учета сомнительных фрагментов и сколов со шлифованных орудий), то находки из Латвии — только 3 %.

В комплексах поселений — производственных центров (таких как Сарнате и памятники Лубанской низины (Ванкина, 1970; Лозе, 1979), на которых происходила заготовка и обработка янтаря, также активно использовавшегося в обмене экзотическими изделиями, импортных орудий русско-карельского типа не больше, чем на более северных при-

балтийских поселениях, обитатели которых воздерживались от активного участия в обмене янтарем. Незначительное число случайных находок изделий русско-карельского типа свидетельствует о том, что реальное количество таких изделий, попавших в древности на территорию Латвии, действительно меньше количества, поступавшего на территорию Эстонии. (Условия для собирания случайных находок в обоих регионах были примерно одинаковыми.)

Таким образом, можно предположить, что основным фактором, влияющим на абсолютную численность импортированных изделий данной категории, являлось расстояние от производственного центра. Следовательно, прямого обмена между центрами производства рубящих орудий из метатугфа и украшений из янтаря не было. Данные свидетельствуют о таком варианте обмена, при котором объекты этого обмена двигались от одной соседней общины к другой в течение длительного времени. Тем не менее расстояние, которое преодолевали такие объекты, в некоторых случаях могло быть очень значительным.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование осуществлено при поддержке гранта Эстонского научного фонда «Побережье и континентальная территория. Дуалистическое заселение восточной части Балтийского моря времен каменного века и периода раннего металла», совместного

гранта Эстонского научного фонда и Российского гуманитарного фонда «Население Нарвско-Лужского региона в каменном веке и периоде раннего металла» и Европейского фонда регионального развития ЕС (Центр теории культуры СЕСТ).

Таблица

Рубящие орудия русско-карельского типа и орудия, морфологически соответствующие русско-карельскому типу или предположительно связанные с индустрией макроорудий Карелии, из Латвии

группа	наименование	сохранность	контекст, коллекционный номер	номер на карте (рис. 1)
орудия русско-карельского типа	топор	целое изделие	случайная находка, Клаукани (Klaucani), An12115:1	34
	тесло	целое изделие	случайная находка, Дебелее (Debele), R4B:5	27
	топор	целое изделие	поселение Сарнате (Särnate), вблизи жилища «О» (A 11420:47)	24
	тесло	без обуха	поселение Абора I (Agora) (AI 668)	
	желобчатое тесло	фрагмент лезвия	поселение Сарнате (Särnate), жилище «V» (A 11580:112)	24
	?	обушная часть	поселение Сарнате (Särnate), жилище «Т» (A 11417:220)	24
	?	обушная часть	поселение Сарнате (Särnate), жилище № 2 (A 11417:105)	24
	?	обушная часть	поселение Абора I (Agora I) (893 Ab/85)	32
	желобчатое тесло	фрагмент лезвия	поселение Звидзе (Zvidze) (Z.v.k./74 1079)	33
орудия, предположительно связанные с индустрией макроорудий Карелии	желобчатое тесло	целое изделие	случайная находка, Катлакальнс (Katlakalns) (A 11194:1)	
	тесло	целое изделие	случайная находка, район Сарнате (Särnate) (V 9693)	25
орудия, морфологически соответствующие русско-карельскому типу	тесло	целое изделие	случайная находка, Абели (Ābēli) (A 10447:20)	29
	тесло	без обуха	поселение Звидзе (Zvidze) (Zv/75 1732)	33
мелкие фрагменты лезвий и сколы со шлифованных орудий предположительно, русско-карельского типа	желобчатое тесло	фрагмент лезвия	поселение Лэясцискас (Lejasciskas) (A7853:73 H6)	26
	скол со шлиф. орудия		поселение Сулька (S/65409)	31
	скол со шлиф. орудия		поселение Абора I (Agora I) (780 Ab/6)	32
	скол со шлиф. орудия		поселение Звидзе (Zvidze) (Zv/74 1308)	33

ЛИТЕРАТУРА

Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970.

Вуоринен Ю. Торговля кремнем и янтарем в Финляндии в эпоху неолита // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 54–60.

Брюсов А.Я. История древней Карелии. М., 1940. (Труды ГИМ. Вып. IX).

Брюсов А.Я. Археологические памятники III–I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 9–34.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Гурина Н.Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // КСИА. М., 1974. Вып.138: Торговля и обмен в древности. С. 12–23.

Жульников А.М. Энеолит Карелии: памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск, 1999.

Жульников А.М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н.э. как фактор социального взаимодействия // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб.: Наука, 2008. Т. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. С. 134–145.

Кларк Дж.Г.Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М.: Наука, 1953.

Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1979.

Лозе И. Об основных центрах обработки и путях распространения восточнобалтийского янтаря в период среднего неолита // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985. С. 58–77.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 2: Неолит.

Соколов В.А., Куликов В.С., Стенарь М.М. (ред.). Геология Карелии. Л., 1987.

Тарасов А.Ю. Изменчивость метрических признаков каменных орудий с поселений Карелии (неолит — ранний железный век) // Вестник КГМ. 2002. Вып. 4. С. 70–87.

Тарасов А.Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // Археологические вести. Вып. 10. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 60–74.

Тарасов А.Ю. Изменения сырьевой базы индустрии макроорудий в неолите — раннем железном веке на территории Карелии // Российская археология. 2004. № 1. С. 77–83.

Тарасов А.Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий на территории Карелии: к вопросу о специализации в производстве // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М., 2004. С. 94–97.

Тарасов А.Ю. Некоторые особенности социально-экономического развития населения Карелии в неолите — раннем железном веке // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 73–112.

Тарасов А.Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. Замятинский сборник. Вып. 1. СПб.: Наука, 2008. С. 190–201.

Тарасов А.Ю., Крийска А., Курс Ю. Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: по результатам археологического

и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии. В печати.

Филатова В.Ф. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // СА. 1971. № 2. С. 32–38.

Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.

Ailio J. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, I–II. Helsingfors, 1909.

Bērziņš V. Sārņate: Living by a Coastal Lake during the East Baltic Neolithic. Acta universitatis Ouluensis. В Humaniora 86. Oulu, 2008.

Edgren T. Kivikausi // Suomen historia, 1. Espoo, 1984. S. 18–95.

Heikkurinen T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste n:o 21. Helsinki, 1980.

Kriiska A. Stone Age Settlements in the Lower Reaches of the Narva River, North-eastern Estonia // Coastal Estonia. Recent Advances in Environmental and Cultural History. PACT 51. Rixensart, 1996. P. 359–369.

Kriiska A., Tvauri A. Eesti muinasaeg. Tallinn: Avita, 2002.

Lang V. The Bronze Age and Early Iron Ages in Estonia. Estonian Archaeology, 3. Tartu: Tartu University Press. Humaniora: archaeologica, 2007.

Lang V., Kriiska A. Eesti esiajaloo periodiseering ja kronoloogia // Eesti Arheoloogia Ajakiri. 2001. № 5/2. P. 83–109.

Moora H. Kiviaeg // Esiajalugu ja muistne vabadusõitlus. Eesti ajalugu, I. Tartu, 1935. Lk. 10–62.

Nordquist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-Day Karelian Republic until 1944 // Fennoscandia Archaeologica. 2008. Vol. XXV. P. 27–60.

Raukas A., Teedumäe A. (eds.). Geology and mineral resources of Estonia. Tallinn: Estonian Academy Publisher, 1997.

Suuroja T. Eesti põhjaranniku mesoliitiliste ja neoliitiliste asulakohtade kiviaines // Stilus, 6, Eesti Arheoloogia Seltsi Teated, 1. Tallinn, 2009. Lk. 30–36.

Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), III: 6. Dorpat, 1922.

Zhulnikov A. Exchange of Amber in Northern Europe in the III Millennium BC as a Factor of Social Interactions // Estonian Journal of Archaeology. 2008. 12/1. P. 3–15.

Äyräpää A. Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustan. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos, 1944. S. 55–73.